

Научная статья

УДК 165.0

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-5-16

Ложное убеждение: эпистемические и нормативные характеристики

Александр Анатольевич Шевченко

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

Аннотация

В статье рассматривается ложь как эпистемическая установка, анализируются ее структурные и содержательные характеристики. В частности, исследуются прагматические возможности использования ложных утверждений в научном познании. Показано, что в ряде случаев ложные эпистемические установки могут играть позитивную роль, в основном в качестве временных гипотетических или контрфактических допущений, а также так называемых «позитивных иллюзий». Рассмотрены альтернативные подходы к анализу ложных убеждений: «сначала-знание» Т. Уильямсона и «сначала-действие» в русле эпистемического прагматизма. Показана перспективность последнего подхода, в частности, возможность согласования нормативных установок для убеждений и для действий, что создает условия для создания сложной нормативной системы, включающей разные «направления приспособления» – между убеждениями и действиями с одной стороны и миром с другой.

Ключевые слова

ложь, истина, убеждение, «норма утверждения», эпистемические установки, фактивный поворот, «сначала-знание», «сначала-действие», Т. Уильямсон

Для цитирования

Шевченко А. А. Ложное убеждение: нормативные и эпистемические характеристики // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 5–16. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-5-16

The false belief: its epistemic and normative characteristics

Alexander A. Shevchenko

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

© Шевченко А. А., 2023

Abstract

The article considers lying as an epistemic attitude, analyzes its structural and substantive characteristics. In particular, it considers the pragmatic consequences of using false beliefs, primarily in scientific practice. It is shown that in a number of cases false epistemic attitudes can play a positive role, mainly as temporary hypothetical or counterfactual assumptions, as well as positive illusions. The paper also analyzes two alternative approaches towards false beliefs: “knowledge-first epistemology” of T. Williamson and “action-first epistemology” in line with epistemic pragmatism. It considers the potential of the latter approach and, in particular, the way of reconciling two seemingly conflicting normative frameworks – for beliefs and for actions. This, in turn, opens the way for building a complex normative system with different “directions of fit” between beliefs and actions on one side and the world on the other.

Keywords

falsity, truth, belief, the norm of assertion, epistemic attitudes, factive turn, “knowledge-first”, “action-first”, T. Williamson

For citation

Shevchenko A.A. The false belief: its epistemic and normative characteristics. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 5–16. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-5-16

1. Ложь как эпистемическая категория

Ложь интересует философов в разных аспектах. Иногда она рассматривается как общее условие существования не только человека, но и всех живых организмов (начиная с простых биологических механизмов мимикрии). Как необходимая способность человеческого сознания [Секацкий, 2000], она понимается как механизм, способствующий нашему выживанию и успешному функционированию в мире. В философии языка основное внимание уделяется условиям успешности ложного высказывания как речевого акта, анализу всего контекста высказывания, в том числе интенций говорящего и результатов воздействия на адресата. Философию сознания интересует механизмы сознательной и бессознательной лжи, возможности интроспекции и механизмы самообмана [Моисеева, 2014], способы распознавания лжи. В социальной философии всегда актуальна проблема «ложного сознания» или больших метанарративов, задающих рамки нашего восприятия социальной действительности. Эпистемологию интересует не только природа и функции лжи как фактора, препятствующего познанию действительности, но и структура лжи – те необходимые и достаточные условия, которые делают то или иное высказывание ложным. Является ли, например, таким необходимым условием намерение обмануть адресата? Зависит ли характеристика высказывания как ложного от доксистической установки субъекта высказывания – другими словами, достаточно ли для определения ложности того факта, что говорящий верит / убежден в истинности содержания, или же мы можем говорить о лжи только тогда, когда приписываем субъекту знание о его истинности [Benton, 2018; Marsili, 2022]? Ложь как эпистемическая категория (рассматриваемая в виде ложных убеждений или высказываний) представляет интерес для эпистемологии не только в силу ее распространенности в нашей повседневности, но и благодаря той критически важной роли, которую ложные суждения неизбежно играют в научном познании, необходимости совершенствовать концептуальный аппарат для работы с ними, распознавания и различения разных видов ложных эписте-

мических установок – сознательных, бессознательных, индивидуальных, коллективных, а также способов их возможной коррекции [Pritchard, 2017]. Отдельный интерес представляют теоретические допущения, истинность которых не всегда можно установить и которые приходится принимать «на веру», а также различные мысленные эксперименты, в которых используются такие допущения. При этом важно ясно понимать нормативный статус потенциально ложных положений. Некоторые такие случаи будут рассмотрены в следующем параграфе.

2. Роль и польза ложных эпистемических установок

К нормативному полю дискуссий о лжи как эпистемической установке относятся, в частности, споры о той роли, которые ложные эпистемические установки играют в нашей жизни и в познании, в первую очередь научном. Широкое распространение ложных мнений/убеждений как в повседневной жизни, так и в науке не нуждается в иллюстрациях. Однако тот факт, что научные практики, насыщенные такими ложными установками, функционируют при этом относительно успешно, требует рациональных объяснений. Одна из версий заключается в том, что ложные убеждения представляют собой не только помехи, но и играют какую-то полезную роль. Мы не будем здесь рассматривать возможное их использование для биологической или психологической адаптации, нас интересует исключительно польза эпистемическая, т.е. та роль, которую они могут играть в деле достижения истинных положений и знания в целом.

Д. Притчард выделяет три вида потенциально ложных, но полезных убеждений: 1) научные фикции (идеализации и мысленные эксперименты); 2) ситуативно (или случайно, или временно) ложные убеждения (объединенные общим термином «эпистемический ситуационизм»); и 3) «петлевые» (*hinge*) суждения, известные прежде всего на примере «петлевой эпистемологии», которую связывают с именем Л. Витгенштейна¹ [Pritchard, 2017]. Следует отметить, что Д. Притчард в число таких потенциальных кандидатов включает только ложные убеждения, которые соответствуют эпистемической «норме утверждения» (*the norm of assertion*), т.е. такие, которые сам субъект принимает за истинные. Это исключает из рассмотрения широкий круг установок – не только потенциально полезные убеждения, которые сам субъект полагает ложными, но и такие, для которых, по его мнению, отсутствует рациональное основание считать их истинными, или же такие, в отношении истинности которых субъект занимает позицию агностика [Pritchard, 2017, p. 5]. Он также вводит два дополнительные «условия полезности» ложных пропозиций: долгосрочный и систематический характер таких полезных эффектов.

В качестве примера потенциально ложных установок первого типа (научных фикций) он ссылается на достаточно известный факт, что большая часть хорошей научной практики включает в себя использование моделей и идеализаций, которые, строго говоря, являются ложными. Таковы, например, законы идеального газа, которые являются очень полезным способом понимания поведения газов,

¹ Петлевая эпистемология (*hinge epistemology*) постулирует наличие и необходимость ряда ключевых посылок, которые принимаются за истинные даже в случае их ложности.

однако, будучи идеализациями, не являются истинными в строгом смысле слова. Модель относится к некоторому идеализированному объекту: она «очищена» от частных. Хотя такое очищение обычно считается ключевой характеристикой другой мыслительной операции – абстрагирования, но если все же настаивать на различении этих двух философских техник – абстракции и идеализации – применительно к построению моделей, то абстракцию можно рассматривать как вид опущения или упущения, в то время как идеализация будет представлять собой намеренную ложь. Однако, согласно Н. Картрайт, опущение и намеренное искажение не всегда различимы, по ее мнению, современные философы науки «идеализацию» используют как зонтик для обоих терминов [Cartwright, 2002, p. 187]. Кроме вопроса о роли и функциях важен и вопрос о границах мысленного эксперимента. Предельно широкое его толкование можно обнаружить у Н. Решера [Rescher, 2005]. По его мнению, так как мысленный эксперимент всегда основан на предположении, то границы его очень широки. К мысленным экспериментам Н. Решер относит любую систему рассуждений, которая позволяет вывести значимые следствия из исходного предположения. Таким образом, требование истинности исходных положений здесь отсутствует в принципе. В качестве возможного сужения толкования, предложенного Н. Решером, иногда предлагают заменить гипотетичность на контрфактичность. Но при этом возникает опасность ослабить другое требование эксперимента – его связь с реальностью.

Ложные суждения второго типа («эпистемический ситуационизм») (подробно см.: [Fairweather, Alfano, 2017]) проще всего описать с помощью примеров геттиеровского типа, когда некоторые случайно полученные положения могут не только оказаться полезными, но и претендовать на роль знания, формально удовлетворяя стандартному определению знания как обоснованного истинного мнения / убеждения. Однако, по мнению Д. Притчарда, ситуации такого типа не представляют серьезной угрозы, если придерживаться сильной, надежной (*robust*) версии эпистемологии добродетелей, представленной такими именами как Э. Соза, Л. Загзебски и Дж. Греко. В этой версии знание понимается не как следование заранее данной формуле, а как когнитивный успех, при этом условием такого успеха является не только истинность мнения / убеждения, но и то, что оно получено в результате проявления когнитивных способностей, т.е. широко трактуемой эпистемической добродетели. При этом для того чтобы исключить ситуативные, т.е. возможно случайные, совпадения условий, необходимо и достаточно явным образом эту добродетель продемонстрировать. Нужно отметить, что ответ ситуационистам именно в таком контексте обсуждения (эпистемологии добродетелей) не случаен, так как в философскую эпистемологию ситуационизм как явление пришел из области психологии, ставившей под сомнение т.н. «психологию характера», т.е. устойчивые черты характера (честность, храбрость, настойчивость и др.), стабильно и надежно определяющие поведение. Следующими естественными целями стали этика, а потом и эпистемология добродетелей. По мнению представителей ситуативного подхода, наши привычные объяснения человеческого поведения как проявлений характера являются ошибочными, так как переменные окружающей среды служат гораздо более важным объясняющим фактором, чем внутренние черты характера. Ответ «от эпистемической добродетели»

представляется вполне убедительным, однако только в том случае, если мы готовы признать, что любая эпистемология по определению является эпистемологией добродетелей, т.е. убедительным и окончательным разрешением споров о природе обоснования между фундаменталистами и когерентистами посредством переноса акцента на черты характера и поведение субъекта познания.

Следующий возможный случай эпистемически полезного ложного убеждения касается витгенштейновского понятия петлевых (осевых) положений. В тексте «О достоверности» Л. Витгенштейн утверждал, что для нашей рациональной практики в целом и для того, чтобы быть рациональным субъектом (т.е. тем, кто может иметь рациональные убеждения, сомнения и т.д.), необходимо наличие определенных фундаментальных предпосылок. Это основные (осевые, петлевые) положения, в отношении которых субъект познания уверен. Такие базовые посылы могут оказаться полезными даже в случае их ложности.

«...341. То есть вопросы, которые мы ставим, и наши сомнения зиждутся на том, что для определенных предложений сомнение исключено, что они словно петли, на которых держится движение остальных [предложений].

342. Иначе говоря, то, что некоторые вещи на деле не подлежат сомнению, принадлежит логике наших научных исследований.

343. Однако дело не в том, что мы не в состоянии исследовать всего – и потому вынуждены довольствоваться определенными предпосылками. Если я хочу, чтобы дверь отворилась, петли должны быть закреплены» [Витгенштейн, 1994, с. 362].

Из приведенных цитат можно сделать вывод, что, по большому счету, речь здесь идет о привычных нам основополагающих теоретических предпосылках, которые сами не могут подвергаться критическому анализу. При этом наши «петлевые» предпосылки могут быть одновременно ложными, но полезными, причем долгосрочно и систематически.

Уже упомянутые дополнительные условия полезности ложных убеждений, неслучайности и долгосрочности их воздействий позволяют исключить ошибочные мнения, оказавшиеся полезными благодаря удаче; нас интересуют случаи, в которых можно установить закономерность, когда наличие ложного мнения оказывается систематически полезным для достижения истинной системы мнений в пределах одних и тех же временных рамок. Эпистемическая польза должна систематически являться следствием ложного убеждения, а не быть получена каким-то случайным образом (например, с помощью дружелюбного демона, обеспечивающего конвертацию ложных убеждений в эпистемически ценные результаты). Отдельная проблема – как установить эту «эпистемическую ценность». Можно предположить, что одним из относительно простых способов была бы возможность с помощью ложного убеждения генерировать большее количество убеждений истинных, чем без него.

Однако самое радикальное предостережение против того, чтобы считать ложные убеждения полезными, было высказано самим Д. Притчардом в уже упомянутой выше статье. По его мнению, ложные убеждения в принципе некорректно считать убеждениями. Касательно приведенных им же примеров он отмечает, что в случае с «научными фикциями» для получения искомой эпистемической

пользы достаточно условного их принятия, при этом нет необходимости или оснований делать какие-то более сильные допущения относительно их эпистемического статуса. Что касается «эпистемического ситуационизма», и здесь, по его мнению, попытки трактовать сложившуюся ситуацию именно как формирование мнения или убеждения выглядят довольно странно и не соответствуют нашим сложившимся интуициям по этому поводу. То же и в отношении «петлевых» установок. Признавая их возможную эпистемическую пользу, Д. Притчард отказывается считать их мнениями или убеждениями в общепринятом смысле. Таким образом, по его мнению, у нас нет повода для философски интересного разговора о пользе ложных мнений или убеждений. В параграфе 4 мы рассмотрим альтернативный подход, цель которого все же сохранить за ложными убеждениями философскую значимость посредством сравнения и сближения нормативных оснований для убеждений и для действий.

3. Норма утверждения (*the norm of assertion*) в эпистемологии

Утверждения могут иметь разное содержание и, соответственно, разную ценность. Истинные утверждения, особенно подкрепленные хорошими основаниями, получают хорошую оценку. Ложные утверждения – плохую. Прежде всего, пояснения требует используемая терминология. Ассерторическое суждение – такое, в котором утверждается или отрицается какой-то факт (S есть P или S не есть P). Под эпистемической нормой утверждения понимается некоторое правило (лингвистическое и социальное), которое определяет необходимые условия (эпистемически) корректного утверждения. Условия эти могут быть разными – например, условие, требующее от субъекта знания содержания суждения, или же более слабое требование – веры в его истинность, или еще более слабое – наличия некоторых оснований для такой веры.

Соответственно, и формулировка «нормы утверждения» в каждом случае будет разной. Одной из первых формулировок такой эпистемической нормы можно считать «максиму качества», входящую в «принцип кооперации» П. Грайса. Его «максима качества» предлагает следующую кандидатуру на роль эпистемической нормы утверждения: «К категории Качества относится общий постулат “Старайся, чтобы твое высказывание было истинным”, а также два более конкретных постулата:

1. «Не говори того, что ты считаешь ложным».
 2. «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований».
- [Грайс, 1985, с. 222–223].

В современной эпистемологии стандартным считается анализ, включающий три условия.

Вы можете некоторому адресату S , если:

- (i) вы сообщаете S , что p .
- (ii) вы полагаете (убеждены), что p ложно.
- (iii) утверждая p , вы намереваетесь обмануть S .

Хотя существует множество дискуссий относительно того, в каком смысле понимать третье условие, его, по-видимому, можно считать избыточным для наших целей и сосредоточиться на первых двух, которые являются основными. Пре-

жде всего, очевидно, что в этой традиционной формуле слабым местом является эпистемическая установка говорящего во втором условии. Ему приписывается тот самый “*belief*”, который во всем диапазоне от верования до убеждения является очевидно слабым требованием. Тимоти Уильямсон [Williamson, 2000, ch. 11] в качестве эпистемической нормы утверждения предложил использовать знание. Одним из аргументов было то, что в таком виде эта норма конститутивно связана с речевым актом утверждения: «Говорящий должен утверждать, что p только, если он знает что p ». Сильной стороной такого подхода является то, что убеждения, как и утверждения, могут быть ложными, в то время как отличие знания от простого убеждения в том, что знать можно только факты, то есть истинные утверждения (см. следующий параграф о т.н. «фактивном повороте» в эпистемологии). В связи с этим говорят, что знание всегда является «фактивным». Под «фактивностью» принято понимать когнитивное отношение между говорящим и высказываемым суждением – используя фактивный предикат, говорящий предполагает, что суждение, которое вводится фактивным предикатом, является истинным. К фактивным предикатам относят, например, «знать», «узнавать», «понимать», «открывать», «осуждать», «сожалеть», а к не-фактивным – такие как «думать», «считать», «полагать», «заявлять», «утверждать» и т.п. Кроме того, для того чтобы знание заменило убеждение, в формуле выше должны выполняться и некоторые дополнительные нормативные условия: например, убеждение должно быть хорошо сформировано, быть полученным в результате надежного метода или соответствовать имеющимся данным.

Т. Уильямсон отмечает, что норма утверждения, использующая знание, предполагает также некоторый более общий эпистемический принцип: «При совершении чего-либо, для чего требуются полномочия (*authority*) (например, отдачи приказа), человек репрезентирует себя как имеющего полномочия для этого. Иметь (эпистемические) полномочия утверждать p – значит знать p » [Williamson, 2000, p. 252].

М. Бентон рассматривает утверждение как тип речевого акта, в ходе которого утверждая нечто, субъект высказывается не только о мире, но и о себе: он не только представляет утверждение (p) как истинное, но и тем самым представляет себя как знающего то, что он утверждает. Это согласуется как с нашими стандартными языковыми практиками, так и с нашими интуициями. Можно предположить, что лучшим объяснением этому является то, что речевой акт утверждения тесно связан с нормой или правилом в отношении таких актов. А правило это выглядит так: «Не следует утверждать, что p , если не известно, что p » [Benton, 2018]. В стандартном привычном виде норму утверждения выразил Т. Уильямсон «Субъект должен (*must*) утверждать p , только если он знает, что p » [Williamson, 2000, p. 241]. По его мнению, эту норму утверждения следует понимать как условие, при котором говорящий имеет право делать утверждение. Таким образом, утверждать p , не зная p , значит делать что-то, не имея на это полномочий (*authority*) – например, отдать кому-то приказ, не имея на это полномочий [Williamson, 2000, p. 257].

4. Возможные теоретические рамки: «фактивный поворот», «сначала-знание», «сначала-действие»

В то время как в теории действия хорошим основанием для действия принято считать некоторый факт – например, факт правонарушения является хорошим основанием для наказания, факт наличия некоторого заболевания – хорошим основанием для назначения соответствующего лечения, то в эпистемологии стандартным и самым распространенным основанием для убеждения остается не факт, а некоторое психологическое состояние – например, состояние убежденности в том или ином положении вещей. Однако все больше современных эпистемологов полагают, что одна лишь убежденность не может считаться хорошим рациональным основанием, она сама, в свою очередь, должна основываться на некоторой «фактичности», которой обладают либо подтвержденный эмпирический опыт, либо истинные суждения, либо факты [Mitova, 2018].

Н. Марсили замечает, что замена убеждения на знание (в норме утверждения) для анализа ложных установок имеет и два дополнительных следствия, причем гораздо более важных, чем сам анализ этой эпистемической установки [Marsili, 2021, p. 1446]. Во-первых, это этические следствия. Если, в отличие от привычной точки зрения, ложь требует не мнения / убеждения, а знания, то нам придется пересмотреть наше отношение к моральной ответственности за ложь, поскольку ответственность теперь будет определяться не только субъективным фактором – мнением / убеждением конкретного субъекта, но и внешними факторами, которые могут определять истинность высказывания и могут находиться вне контроля этого субъекта. Вторым важным следствием такой замены предиката («верить» на «знать») станет то, что в случае ее успешности, т.е. если окажется, что анализировать и понимать механизмы лжи с помощью знания легче или эффективнее, чем с помощью мнения / убеждения, это станет хорошим аргументом в пользу набирающей в эпистемологии силу исследовательской программы «сначала-знание», основным адвокатом которой является Т. Уильямсон.

Сам Т. Уильямсон так резюмировал свой подход в недавнем интервью «Сибирскому философскому журналу»: «Конкурентом эпистемологии сначала-знания является эпистемология сначала-убеждения (*belief*). Эпистемология сначала-знания рассматривает понятие знания как базовое понятие, объясняя другие понятия в его терминах, в том числе объясняя убеждение в терминах знания, тогда как альтернатива принимает в качестве базового объясняющего понятия понятие убеждения и объясняет знание в терминах убеждения» [Прись, 2021, с. 180].

При этом именно отношение к ложным убеждениям и составляет основную мотивацию для перехода от убеждения к знанию. «Быть может, для людей, которые не знакомы с этим, мне надо сказать нечто о различии между знанием и убеждением. Самое важное универсальное различие – это то, что вы можете верить в нечто ложное, но Вы не можете знать нечто ложное. Например, люди могут верить, что Земля плоская, но они не могут знать, что Земля плоская. Просто потому, что это не так» [Прись, 2021, с. 180–181].

Появление программы «сначала-знание» считается одним из самых важных событий в современной эпистемологии за последние четверть века, за это время появились не только сторонники, но и оппоненты, указывающие на слабые,

по их мнению, места этого подхода. Одно из центральных замечаний, имеющих непосредственное отношение к теме данной статьи, относится к тому, что для сторонников программы «сначала-знание» служит одним из его основных достоинств – это т.н. «алетичность» подхода, ориентированность на истину, что, конечно, является прямым следствием фактивности знания.

Ориентация на истину как нормативный идеал – позиция в эпистемологии стандартная, более того, она часто задает саму теоретико-познавательную область, что отличает ее от этики или прагматики, например. Однако альтернативный подход состоит в том, чтобы вместо автоматического принятия истины в качестве нормативного идеала для эпистемологии задаться вопросом о причинах, по которым истина наделяется столь высоким статусом. Стандартный ответ может быть реконструирован **следующим** образом: эпистемология имеет дело с мнениями/убеждениями, которые по самой своей природе «стремятся к истине». Такое имманентное «стремление» и наделяет цель/истину столь высоким нормативным статусом [Nolfi, 2021]. Ложное же убеждение всегда будет «дефектным» по определению.

Существует ли альтернатива данному подходу? В качестве таковой имеет смысл рассмотреть еще один поворот в эпистемологии, т.н. «прагматический». Вкратце основную его интенцию можно выразить следующим образом: так как познание – это форма практики, то и понимать его следует не как инструмент для создания моделей мира, а как практику, обеспечивающую наши действия. Такую альтернативную эпистемологию можно назвать эпистемологией «сначала-действие» [Radoilska, 2017], фокус исследования в которой должен быть направлен на то, какие именно эпистемические установки и каким наилучшим образом «обслуживают» наши действия. В рамках этой установки имманентной целью мнения/убеждения будет не стремление к истине, а наилучшее обеспечение нашего поведения в целом. Соответственно, меняется и критерий оценки наших эпистемических установок. «Дефектными» они считаются не в силу ложности, а в том случае, если плохо «обслуживают» наши действия. Под «обслуживанием» понимается то, что наши убеждения помогают нам предвидеть результаты различных наших действий, помогают выбирать действия, которые приводят нас к желаемому результату.

Убеждение – это своего рода гибкий в использовании прогностический инструмент для выбора действий; инструмент, который может быть использован в самых разных контекстах для создания предсказаний о действиях и их успешности или неуспешности [Nolfi, 2021]. Этот прагматизм вовсе не означает умаления ценности истины. Мало кто сомневается в том, что в качестве универсального инструмента для предсказаний убеждение будет надежно работать только тогда, когда оно коррелирует с реальностью, т.е. является истинным или по крайней мере стремится таковым стать. Однако это не означает, что истинность является обязательным условием эффективности такого инструмента. Психологи хорошо знают эффект позитивных иллюзий, которые в определенных ситуациях могут не соответствовать реальному образу человека, завышая его самооценку. Такой идеализированный образ самого себя, однако, может давать дополнительные возможности. Вера в то, что можно «прыгнуть выше головы», хотя и является

очевидно ложной, но с точки зрения рассматриваемого подхода «сначала-действии» может быть весьма эффективным инструментом, а в некоторых видах деятельности (например, спорт или искусство), возможно, является необходимым условием.

Для философского исследования этого феномена полезно обратиться к понятию нормативности и попытаться выяснить, каким образом нормативные установки в отношении убеждений соотносятся с нормативными установками в отношении действий. На первый взгляд, они кардинально различны: если в стандартных подходах убеждения «нацелены» на истину, то действия «нацелены» на успех. Самый простой способ согласования этих установок – в виде односторонней зависимости, когда, например, мы трактуем ложные убеждения как препятствие для совершения успешных действий. Более сложный и перспективный вариант – представить эти нормативные схемы как взаимозависимые и взаимодополнительные, открывающие возможность для использования разных «направлений приспособления» (*direction of fit*), если использовать аналогию из философии языка. Так, философы языка говорят о разных способах координации языка и мира – мы можем либо «приспосабливать» язык к миру (в случае описаний), либо же пытаться приспособить мир к языку (в случае предписаний).

В качестве дополнительной иллюстрации можно вспомнить и принцип “*ought implies can*” («должен – значит можешь») [Шевченко, 2019]. Его обычно связывают с именем И. Канта и трактуют как принцип этики. При этом чаще всего его представляют в виде контрапозиции «не можешь – значит не должен», делая акцент на существующих возможностях, точнее на их отсутствии. Но нормативной дилеммой этот принцип становится тогда, когда у нас есть выбор между обеими модальностями – возможностью и долженствованием. В случае переноса акцента на модальность долженствования мы ищем способы изменения ситуации таким образом, чтобы исполнение обязательства стало возможным, стремясь изменить сами условия возможности.

В нашем случае это означает, что формирование истинного убеждения путем «приспособления» к имеющимся фактическим данным не является единственно возможным способом. Другое решение – предпринять некоторые действия и попытаться сделать так, чтобы мир начал соответствовать нашему убеждению. Таким образом, разные нормативные системы (для убеждений или для действий) можно представить в виде сложной нормативной конструкции, допускающей регулирование и настройку с обеих сторон: как посредством коррекции убеждений в соответствии с существующей реальностью, так и изменением реальности, чтобы она соответствовала убеждениям.

Список литературы

- Витгенштейн Л. О достоверности // Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 322–405.
- Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 217–237.

- Моисеева А. Ю.** Как возможна несознательная ложь? // *Философия науки*. 2014. № 4. С. 57–81.
- Прись И. Е.** Реализм и сначала знание. Интервью с Тимоти Уильямсоном // *Сиб. филос. журн.* 2021. Т. 19. № 3. С. 175–204.
- Секацкий А. К.** *Онтология лжи*. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000.
- Шевченко А. А.** О нормативных следствиях одной импликации // *Сиб. филос. журн.* 2019. Т. 17. № 3. С. 29–40.
- Benton M.** Lying, belief, and knowledge // J. Meibauer (Ed.) *The Oxford handbook of lying*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2018. P. 120–133.
- Cartwright N.** *Nature's Capacities and their Measurement*. Oxford: Clarendon Press, 2002.
- Fairweather A., Alfano M.** (eds.). *Epistemic Situationism*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2017.
- Marsili N.** Lying: Knowledge or Belief? // *Philosophical Studies*. 2021. No. 179. P. 1445–1460.
- Mitova V.** (ed.). *The factive turn in epistemology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2018.
- Nolfi K.** Epistemically flawless false beliefs // *Synthese*. 2021. No. 198. P. 11291–11309.
- Pritchard D.** Epistemically useful false beliefs // *Philosophical Explorations*. 2017. No. 20. Sup. 1. P. 4–20.
- Radoilska L.** Aiming at the truth and aiming at success // *Philosophical Explorations*. 2017. No. 20. Sup. 1. P. 111–126.
- Rescher N.** *What If? Thought Experimentation in Philosophy*. New Brunswick; N.J.; London: Transaction Publishers, 2005.
- Williamson T.** *Knowledge and its Limits*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000.

References

- Benton M.** Lying, belief, and knowledge // J. Meibauer (Ed.), *The Oxford Handbook of Lying*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2018. P. 120–133.
- Cartwright N.** *Nature's Capacities and their Measurement*. Oxford: Clarendon Press, 2002.
- Fairweather A., Alfano M.** (eds.). *Epistemic Situationism*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2017.
- Grice H.P.** Logic and conversation // *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. M.: Progress, 1985. Issue 16. P. 217–237. (in Russian)
- Moiseyeva A.Yu.** How is unconscious lie possible? // *Philosophy of Science*. 2014. № 4. P. 57–81. (in Russian)
- Pris I.E.** Realism and Knowledge First. Interview with Timothy Williamson // *Siberian Journal of Philosophy*. 2021. vol. 19. no. 3. P. 175–204. (in Russian)
- Sekatsky A.K.** *The ontology of lie*. SPb.: SPb univ. press, 2000. (in Russian)
- Shevchenko A.A.** On Normative Consequences of One Implication // *Siberian Journal of Philosophy*. 2019. Vol. 17. No. 3. P. 29–40. (in Russian)
- Marsili N.** Lying: Knowledge or Belief? // *Philosophical Studies*. 2021. No. 179. P. 1445–1460.

- Mitova V.** (ed). The factive turn in epistemology. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2018.
- Nolfi K.** Epistemically flawless false beliefs // Synthese. 2021. No. 198. P. 11291–11309.
- Pritchard D.** Epistemically useful false beliefs // Philosophical Explorations. 2017. No. 20. Sup. 1. P. 4–20.
- Radoilska L.** Aiming at the truth and aiming at success // Philosophical Explorations. 2017. No. 20. Sup. 1. P. 111–126.
- Rescher N.** What If? Thought Experimentation in Philosophy. New Brunswick; N.J.; London: Transaction Publishers, 2005.
- Williamson T.** Knowledge and its Limits. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000.
- Wittgenstein L.** On certainty // Philosophical Works. M.: Gnosis, 1994. Part 1. P. 322–405. (in Russian)

Сведения об авторе

Шевченко Александр Анатольевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Information about the Author

Alexander A. Shevchenko, Doctor of Sciences (Philosophy),
Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, SB RAS (Novosibirsk, Russia)

*Статья поступила в редколлегию 07.06.2023;
одобрена после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 29.06.2023*
*The article was submitted 07.06.2023;
approved after reviewing 29.06.2023; accepted for publication 29.06.2023*